

Г. А. Печников, Т. И. Андрющенко

НЕПРИМИРИМ ЛИ СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЙ УПК РФ В БОРЬБЕ С КРИМИНАЛОМ?

В статье ставится вопрос о необходимости вести бескомпромиссную борьбу с преступностью. Однако УПК РФ от этого отходит, поскольку в нем осуществляется подход: «соствязание для соствязания» и нет высокой, социально важной цели, которая бы выходила за пределы соствязания (полное раскрытие преступлений, установление объективной истины по уголовным делам). «Восстановительное правосудие» означает определенный компромисс с криминалом.

Ключевые слова: объективная истина, неотвратимость ответственности виновных и безнаказанность, компромисс и бескомпромиссность в борьбе с преступностью, «восстановительное правосудие».

G. A. Pechnikov, T. I. Andryuschenko

WHETHER THE ADVERSARIAL CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION IS UNCOMPROMISING TOWARDS STRUGGLE AGAINST CRIME?

In the article the author raises a question of the need for uncompromising struggle against crime. However, the RF Code of Criminal Procedure deviates from this as it implies such approach as «contest for contest», and there is no lofty socially important goal which would fall outside the limits of contest (complete exposure of crime, establishment of the objective truth in a criminal case). «Restorative justice» means a certain compromise with crime.

Keywords: objective truth, inevitability of responsibility of delinquents and impunity, compromise and uncompromising stand in struggle against crime, «restorative justice».

В УПК РФ с ярко выраженной состязательностью произошла смена парадигм: не раскрыть преступление, а выиграть процесс (дело).

Именно такая цель (задача) стоит сейчас перед состязющимися сторонами — обвинением и защитой.

В состязательном уголовном судопроизводстве состязательность самодостаточна и поэтому исключает объективную истину как цель доказывания и цель всего уголовного процесса, поскольку все решается самим состязанием сторон.

В отличие от состязательного УПК РФ, в уголовном процессе с объективной истиной, где состязательность, как и другие принципы

уголовного процесса, выступают лишь необходимыми средствами достижения объективной истины (достоверного раскрытия преступлений), непреложным исходным положением является требование о недопустимости стирания, затушевывания различий между противоположностями: бескомпромиссной борьбой с преступностью (быстрое и полное раскрытие каждого преступления) и ее попустительством или между неотвратимостью ответственности виновных и их безнаказанностью. Только тогда возможна по-настоящему эффективная, действенная борьба с преступностью посредством уголовного процесса, в этом верный залог бескомпромиссного отношения к преступности.

Но состязательный УПК РФ названные противоположности сглаживает, он обусловлен иным менталитетом, иные ценности составляют его сущность и процессуальные формы. В нем созданы состязательные правила игры, отрицающие объективную истину: стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ). «Он не должен подменять стороны как в том, что касается определения предмета процессуального спора, так и в том, какими доказательственными средствами этот спор разрешается. Он не обязан больше устанавливать объективную истину, но обязан констатировать истину судебную» [1]. Как отметил В. М. Сырых, «закрепленный УПК РФ принцип состязательности низводит положение суда до органа, который лишь *формально* оценивает представленные в ходе судебного следствия доказательства и не отвечает за поиск истины по делу. В результате создаются условия для того, чтобы в суде господствовала не истина по делу, а умение государственного обвинителя и защитника преподнести суду добытые доказательства по делу» [2].

Государство в лице дознавателя, следователя и прокурора (сторона обвинения) изначально не призвано вести борьбу с преступностью, не ставит задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, а призвано вести «правовой спор» со стороной защиты (подозреваемым, обвиняемым, защитником) в целях выяснения, какая из сторон сильнее, кто победитель.

Отсюда, ни о каком принципе неотвратимости ответственности виновных в состязательном УПК РФ и речи быть не может. По сути, в правовом споре преступнику предоставляется узаконенный шанс избежать уголовной ответственности за содеянное в случае победы над стороной обвинения. И, наоборот, при проигрыше невиновный может безвинно пострадать. То есть, УПК РФ — это процесс не

объективно-истинный, а состязательно-выигрышный. Таким образом, цели его занижены, обусловлены прагматически-выигрышным интересом сторон; в нем нет необходимой высокой цели, которая бы выходила за пределы состязательности.

В либеральном УПК РФ, на наш взгляд, наблюдается некоторый компромисс, сотрудничество с преступностью в виде «сделки о признании вины» («сделка с правосудием», «сделка со следствием») — глава 40¹ УПК РФ. От обвиняемого требуется признать обвинение справедливым (согласиться с предъявленным обвинением) в обмен на смягчение приговора. Это относится и к новому правовому институту, предусмотренному главой 40¹ УПК РФ — особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым.

Компромисс правоохранительных органов с преступником, компромисс, примирение преступника и жертвы — это сейчас становится модой. Не случайно внимание процессуалистов привлекла проблема «*восстановительного правосудия*». Социологи и криминологи выдвинули идею, согласно которой непосредственное общение преступника и жертвы, выяснение их отношений, раскаяние, искреннее извинение, объяснение мотивов преступления, полное возмещение ущерба, с одной стороны, и понимание и прощение, с другой, ведут к примирению, разрешению конфликта, а главное — служат, по мнению некоторых процессуалистов, эффективным средством подлинного нравственного преобразования личности правонарушителя, исключаящего рецидив. Таким образом, на смену карательному правосудию в определенных пределах приходит правосудие восстановительное [3].

«Восстановительное», «примирительное» уголовное судопроизводство проявляет себя и в ст. 25 УПК РФ — прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, и в ст. 28 УПК РФ — прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием применительно к преступлениям небольшой или средней тяжести.

Изменяются и сами понятия. Вместо «борьбы с преступностью» сейчас предпочитают использовать менее обязывающие выражения, такие как: «контроль над преступностью», «противостояние преступности». При безудержном росте криминала (и наркомания, и коррупция, и организованная преступность стали уже социальными явлениями в нашей стране) УПК РФ принципиально отказался от борьбы с преступностью. «Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей. Взамен УПК РФ предлагает совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы уголовного судопроизводства» [4].

В современном УПК РФ проводится, по существу дела, основополагающий принцип «состязательность для состязательности»; все в состязательности сторон, и поэтому ничего не должно быть за пределами состязания. Состязательность здесь выступает самоцелью. И в этом, с позиции диалектики, заключена серьезная диалектико-теоретическая ошибка законодателя, имеющая практическое значение, поскольку в уголовном процессе непременно должна быть общая социально важная, объективно необходимая цель, которая обязательно должна выходить за пределы, рамки состязания, «состязания для состязания», то есть, выходить за пределы средств, так как недопустимо отождествлять цель со средствами, нельзя средства делать самоцелью с позиции научно построенного уголовного процесса.

Однако уголовный процесс, в котором стерто различие между целью и средствами, между неотвратимостью ответственности и безнаказанностью — не может быть по-настоящему эффективным процессом с точки зрения бескомпромиссной борьбы с преступностью. Наоборот, такой уголовный процесс будет компромиссным, договорным, соглашательским, примиренческим, лишенным своей твердой самостоятельности и независимости, процессом, в котором много

формализмов. Например, «сделка» вместо истины. Но объективная истина не может быть дана в «готовом виде», как версия, фактическая презумпция или фикция. Истина есть *процесс*, она всегда доказывается. «Истина не есть отчеканенная монета, которую можно в готовом виде положить в карман, истина — это процесс постепенного постижения» [5].

Объективная истина не может состязательно-выигрываться, или презюмироваться, или подменяться «сделкой о признании вины», или «соглашением о сотрудничестве». Но в том-то и дело, что в состязательном уголовном процессе наблюдается упрощение процесса, «свертывание» всестороннего, полновесного процесса доказывания, сокращение необходимого объективно-доказательственного процесса, предрешение его определенной в уголовно-процессуальном законе формальностью, в частности, «сделкой о признании вины» (глава 40 УПК РФ), «досудебным соглашением о сотрудничестве» (глава 40¹ УПК РФ) или формальной обязанностью суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование при отказе государственного обвинителя от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) и др.

В «сделке» выясняется добровольность признания вины, а не его достоверность. Для законодателя и, соответственно, для суда формально важен сам факт согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (хотя обвинение может быть и недостоверным).

По мнению И. Л. Петрухина, «сделки о признании вины чужды российскому менталитету. ... В российском уголовном правосудии сделка — явление аморальное, порочное, бесчестное, это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления. ... При введении сделок о признании вины возможности для взяточничества и других злоупотреблений многократно возрастут» [6]. В расчете на «сделку» или «сотрудничество» следователи и оперативный состав правоохранительных органов способны утратить или снизить свою необходимую активность и целеустремленность в раскрытии преступлений.

В состязательном уголовном судопроизводстве процессуальная форма имеет приоритет над реальным содержанием. Другими словами, в состязательном УПК РФ речь может идти только о формальной, юридической, процессуальной, состязательно-выигрышной истине, но не об объективной истине. Значит, в таком уголовном процессе достигается лишь формальная, формально-выигрышная справедливость, справедливость победителя, а не объективно-истинная справедливость. Для современных реалий формальная, прагматическая, состязательно-выигрышная истина оказывается гораздо ценнее, весомее, удобнее объективной истины, а определенный компромисс, сотрудничество с преступниками в рамках закона — ценнее, практичнее бескомпромиссной борьбы с криминалом.

Следует отметить, что для современных условий характерен *релятивизм* (философия релятивизма) — все относительно, условно, релятивно, ничего абсолютного нет, нет абсолютных ценностей, нет объективной истины, «разрешено все, что не запрещено законом». И либеральный УПК РФ надежно усвоил этот релятивизм. Это означает, что для самого состязательного УПК РФ не столь уж важно кто победит: сторона обвинения или сторона защиты, но пусть победит сильнейший — вот он критерий «истины». За основу берется плюрализм истин — «истина на стороне победителя», «кто сильнее, тот и прав». Однако существо уголовного процесса не следует сводить к аналогу противоборства двух боксеров на ринге или двух футбольных команд — там действительно важно выяснить сильнейшего, победителя. Совсем иные приоритеты должны лежать в основе уголовного процесса, охватываемые пословицей «Бог не в силе, а в правде». Действительно, если объективной истины нет, то все дозволено, все условно, релятивно и тогда не так уж важно бескомпромиссны или компромиссны правоохранительные органы в борьбе с преступностью. Однако стирать различие между названными противоположностями нельзя, чтобы не стать безразличным в борьбе со злом. Поэтому отказ от объективной истины в уголовном

процессе недопустим как и от абсолютной ценности.

Справедливо выражение: «Непримиримость есть сила». Тогда как либеральный УПК РФ отчасти примирим, компромиссен к преступности (примирение заключено уже в самой состязательно-выигрышной модели российского уголовного процесса). Значит, такой процесс лишен той необходимой «силы», которую способна дать непримиримость к преступности, что, безусловно, только на руку самой преступности. Альтернатива тут жесткая: либо уголовный процесс бескомпромиссен в борьбе с криминалом, либо потворствует, попустительствует ему. Середины быть не может. События в ст. Куцевской это доказали.

Список библиографических ссылок

1. Томин В. Т., Поляков М. П., Александров А. С. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: вводный. М., 2002. С. 36.
2. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. С. 304.
3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002; Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Катов [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. М., 2010. С. 55.
4. Азаров В. А. А удалась ли конференция // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2008. № 1 (14). С. 6.
5. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. С. 16, 404.
6. Петрухин И. Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 35; Михайлов П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших // Рос. юстиция. № 5. С. 37—38.